Горловский Медиа Портал
10.08.15 11:50

Издание COLTA.RU опубликовала материал, посвященный российскому федеральному телевидению, которое давно уже полностью подконтрольно власти и работает как единая пропагандистская машина. Это монолог Лизы Лерер, бывшего шеф-редактора дирекции маркетинга телеканала "Россия 1", история Юлии Чумаковой, заведующей Южным бюро Первого канала, автора знаменитого сюжета про "распятого мальчика". Третий материал, который вы сейчас читаете, построен на четырех монологах: трех бывших сотрудников ВГТРК и РЕН ТВ, согласившихся рассказать о своем опыте на анонимной основе, а также Станислава Феофанова, продюсера ТВЦ, который говорит, не скрывая имени.

Разговоры с экс-сотрудниками ВГТРК были изначально записаны бывшим заместителем главного редактора канала "Россия 24" и "Россия 2" Александром Орловым, уволенным с телевидения в июле 2013 года за посты в поддержку Алексея Навального. Орлов зафиксировал устные свидетельства нескольких бывших и действующих сотрудников федеральных каналов для своей будущей книги о российском ТВ и поделился с редакций Кольты двумя такими записями. Два других монолога записал и в целом подготовил материал к печати Дмитрий Сидоров.

Бывший сотрудник ВГТРК

Была летучка в феврале 2014 года, когда главный редактор сказал, что начинается "холодная война". Не информационная, потому что про информационную все уже понимали, она началась гораздо раньше. А "холодная", которая для многих была атавизмом. Он сказал, что наступила эпоха, по сравнению с которой 70-80-е - детский лепет, поэтому те, кто участвовать не хочет, могут найти себе какую-нибудь другую сферу деятельности, вне информационного канала. А все остальные - welcome to the club. Ушли единицы, и то не сразу, со временем, спокойно ушли, без особого битья посуды и каких-то разрываний рубах на груди — честь им и хвала и за позицию, и за благоразумие. А все остальные остались.

Люди в топ-менеджменте были, безусловно, неглупые, поэтому все тонкие моменты они обсуждали в самом узком кругу, а не на больших редакционных летучках по 25-30 человек начальников отделов и подразделений. После пятничных летучек в Кремле руководители приезжали на канал, собирали самых приближенных и на двоих-троих проводили встречу. Обозначали все акценты, после этого все спускалось рангом ниже. Политика канала была абсолютно непроницаемой, и это тоже часть "холодной войны" - все было предельно закрыто, никаких открытых обсуждений.

"Хунта", "укропы", "бендеровцы" - это для ведущих, для тех, кто в кадре. Для них эти формулировки оттачивались на узких встречах. Я ни разу не слышал, чтобы они непосредственно звучали в их адрес из уст главного редактора. На редакционных

летучках формулировалась повестка. Понятно, что если это Украина, то надо осветить максимально полно, по одному сюжету в день обязательно из Крыма, Донецка, Киева. В марте 2014-го, после референдума, было традиционное задание - из Крыма не меньше одного оригинального сюжета в день, можно больше. Каждый день надо было рассказывать, как Крым развивается, как процветают науки и ремесла, растет благосостояние и радость вновь обретенных граждан.

С какой стороны это освещать и давать ли точку зрения людей, которые недовольны, даже никто не обсуждал за ненадобностью, чтобы не тратить время. То же с корреспондентами. Они выполняли абсолютно техническую функцию подставки под микрофон - подойти к нужному спикеру, снять нужный стендап, произнести нужную информацию.

Тех, кто был на войне, военкоров, понять по-человечески можно: с одной стороны, монументальная пропаганда, которая вливалась им в уши от начальников больших до начальников малых, с другой - когда ты находишься на линии фронта и тебя долбят, ты через неделю, две или три (а ребята сидели по 1,5-2 месяца безвылазно) начинаешь ненавидеть тех, кто в тебя стреляет. Вполне естественно, что в их сюжетах акценты были смещены. Но были адекватные корреспонденты, которые не раздували из мух слонов. Когда один снаряд упал - говорили, что один, а не ковровая бомбардировка.

Как я уже говорил, все контролировалось в ручном режиме. Когда были первые минские встречи и шла речь, что будет какой-то мир, был запрет на использование слов "фашисты", "бендеровцы", "хунта". Потом ситуация откатилась обратно, и все возобновилось. Когда Стрелков начал захватывать города, ему предоставлялись все эфирные площадки, включали прямо и криво. Потом надо было его увести в тень, и мы просто перестали его так много показывать.

Пропагандистская машина стала приносить невероятные цифры на фоне этой войны - у "России 24" доли росли поступательно: в 1,5, в 2, в 3 раза по сравнению с довоенным временем. Мы с тобой знаем, что все телевизионщики - адреналиновые наркоманы, а тут война. Настоящая - кровь, кишки разодранные, дырки от снарядов в земле и в домах. Кто-то, может, решил, что это игра, постмодерн, кто-то просто понимает, что на этом можно срубить нехеровые бабки - не на конкретной войне, а просто на хорошем ее освещении: получить в результате новые рычаги, выход на новые финансовые моря. И они целенаправленно работают на результат.

Появилось сразу много стрингеров, которые трудились на нас, куча небольших продакшенов. Они делали видео, дурные с точки зрения качества: кто-то прислал 45-минутный фильм про ДНР, где ополченцы просто ходят туда-сюда, курят, какие-то маловразумительные лайвы, синхроны. Абсолютно нулевой даже с точки зрения пропаганды, просто мутный формат а-ля плохое авторское кино. И это поставили в прайм и повторили четыре раза в выходные. Я спрашивал: "А на хера?" Мне ответили: "Старик, ты ничего не понимаешь, это собирает огромные цифры".

В отличие от грузинской войны, система была заточена идеально. Эта заточка делалась не за три дня и не за летучку. Неделями, месяцами, годами.

Уже никакой войны между каналами, то есть конкуренции, не существовало. Было распоряжение из Администрации президента о том, что хватит мериться и показывать, кто тут более эксклюзивный. Эксклюзив мог быть, только когда кто-то нашел бабушку одного, а кто-то - дедушку другого. А в целом это был массированный поток. Все друг с другом в едином порыве обменивались всем - картинками, спикерами, передавали друг

другу контакты. Все стало единым целым. Разные холдинги, разные акционеры, разные медиаструктуры. Появился общий пропагандистский организм.

На канале никаких дискуссий не возникало. В курилке были скорее эмоциональные выплески. И то только между людьми, которые друг другу относительно доверяли. Не все со всеми разговаривали. Была определенная атмосфера недоверия - потенциально кто-нибудь мог донести. Но все друг о друге всё знали. Главреду были известны мои убеждения, и он меня не звал участвовать в обсуждениях, понимая, что мне это не понравится. Меня эта ситуация абсолютно устраивала.

Убежденных, как Мамонтов или Семин, людей, которые верят во все это, не так много. В основном все такие, как Дмитрий Киселев, тролли 50-го уровня - или как он там себя называет. Среди них процентов 40-50 ходило на Болотную, и им все это категорически претило. Но они не уходили, причины банальные - семьи, кредиты. Плюс все понимали, что уходить некуда. Кто-то топил свое горе в вине, кто-то ушел в наркотики, кто-то ни в чем не топил, а уходил во "внутреннюю эмиграцию", в выходные дни читая книжки и стараясь забыть обо всем, что было с понедельника по пятницу. Для меня самого это была, не побоюсь пафоса, трагедия. Я понимал, что в течение полутора лет занимаюсь довольно постыдными делами.

Но 25% было убежденных, считавших, что делают правое дело. Мы с моими друзьями, настоящими, близкими, подавляющее большинство которых к телевидению отношения не имеет, сразу обговорили, что эту тему просто не поднимаем. Все понимают, в каком говне мы варимся, что происходит в стране. Не нужно лишний раз бередить эти раны и топтаться на этих мозолях. Но когда ты сам все это производишь, наверное, через какое-то время люди более слабые начинают в это верить. 86% Путина - это же действительность.

Моя социология, ничем не подтвержденная, кроме моих ощущений, такая. 50% на канале было таких, как я, 25% убежденных, а остальные 25% - просто те, которым абсолютно все по херу. Если бы к власти пришел Ходорковский и организовал свой канал, они бы там работали, если бы к власти пришел фашист, они бы работали на него... Если ситуация вдруг резко поменяется, эти люди не в состоянии будут вернуться к нормальной журналистике и к нормальным стандартам - просто потому, что они их не знают. Нужно будет их всех люстрировать, выкидывать из профессии. Набирать полностью новых, по-другому их учить.

Бывший сотрудник информационного вещания ВГТРК

В пятницу в 12 часов дня была летучка в Кремле, куда приезжали все главные редакторы. Главный редактор нашего канала получал печатный план, где все написано: как, что, кого лучше пригласить в качестве экспертов. Фактически методичку, стопочку листов А4 сантиметром толщиной. Во время этой летучки главный редактор делал какие-то пометки, коррективы прописывались карандашом прямо внутри. Мне приносили часть листов из этой папки, я по ней работал как по плану.

Кремлевскими летучками руководили разные люди. Давным-давно Алексей Алексеевич (Громов. - Ред.) это делал. Насчет Суркова не знаю. Потом их проводил Дмитрий Сергеевич (Песков. - Ред.). Когда пришел Дмитрий Сергеевич, поначалу было ничего. А потом уже так просто к нему стало не подойти - здесь письмо, здесь запишись. Началось какое-то поклонение Пескову, он стал а-ля "Путин - это я". Он этого никогда не говорил, но выглядело это так. А Алексей Алексеевич всегда говорил: "Ребята, обращайтесь, помогу чем надо".

Сейчас вдруг нарисовались какие-то "селекторные совещания с Песковым" утром и вечером. Не знаю, с какого момента. Я думаю, что как минимум в течение двух недель с триумфального возвращения Путина после того, как он пропал. Они по вертушке разговаривают, по этому желтому телефону. Что-то происходит. Не представляю что, слава богу, меня там нет.

Раньше в нашей работе особо ничего не менялось. Было ощущение, что все тихо-мирно, потом начались бесконечные вводные, которые приходили через верх. Сейчас, если на канале обсуждаются ЭТИ решения и ТАКИЕ моменты, всегда звонят сверху или звонят наверх. Главный редактор волен поставить какую-нибудь аварию в Подмосковье или не поставить, но что касается большой политики, войны и мира - у него нет свободы.

Вот, например, был парад в Сербии. Не совсем в честь Путина, в честь Победы, но Путин там, скажем так, присутствовал, хоть и опоздал чуть-чуть. Парад был действительно шикарный, красота была невозможная. "Р-24" забирала сигнал от сербского ТВ и пускала в Москву. Сербы все организовали, мы организовали переводчика, который переводил их телеведущего с парада. Была только маленькая претензия, что переводчик - девушка. Главного редактора в этот момент не было, был замглавного. До этого главред ему сказал: "Мы сколько-то покажем парад, потом уйдем с него в окошко и будем в окошке показывать". Видимо, этот вопрос он не согласовал, и случилось следующее - идет парад, реально очень масштабный, никто не ожидал, и тут замглавного поступает как ему сказал шеф: сколько-то оттранслировал и увел парад в окошко.

Начинается ад, звонит Добродеев три-четыре раза, орет как резаный, чтобы парад вернули на место и транслировали до конца. Орет заодно на тему переводчика-женщины - почему не мужчина переводит? Там такой дэнс был из-за этого парада... Мы, естественно, все вернули, дотранслировали до конца, после этого тоже были звонки: "Да как вы могли, да что вы творите?" Уже давным-давно не было речи, он (Путин - Ред.) уже давно улетел в Милан, а мы все еще транслировали. Вот тебе и решение, которое принял главный редактор, хотя по сути он распоряжается эфиром. Не угадал и огреб.

Один раз рассказали про рабочую встречу Путина с киргизским президентом, которая еще не произошла. Дело в том, что раньше была установка: мы не анонсируем мероприятия с участием президента, кроме крупных и международных или каких-то наших больших а-ля послание Федеральному собранию. Что касается обычных рабочих встреч, мы не анонсируем ни регион, в котором она завтра будет, ничего. Анонс был крайне редко, по особой отмашке. Как правило, мы говорили день в день, почти всегда по факту. Однажды возникла большая проблема, когда корреспондент в прямом включении сказал, что самолет приземлился, а он еще не приземлился. Разница была в пять минут, но был адский скандал. А с Киргизией вообще не очень высокого ума была дама, которая это в эфире говорила, - она сама текста практически не пишет, больше занята своим макияжем. У нее до этого были скандалы с тем, что ничего анонсировать нельзя, и за годы на подкорке у нее осталось это "анонсировать нельзя". И вот она увидела будущее время, сообщение, что встреча скорее всего пройдет на следующей неделе, но по старой привычке сказала "встретился". И где дальше по тексту было "обсудят", она тоже мысленно переделала в "обсудили".

Ручной режим распространялся даже на погоду, были по ее поводу прямые указания. Вот надо срочно пригласить Вильфанда, чтобы он сказал, что будет страшная зима и мы

все померзнем. Говоришь: "А если не будет холодной зимы?" Мы понимаем, что зима-то теплая. Но есть общая тенденция нагнетать, что они от нас зависят - сейчас мы вам газ не пустим, и вы все замерзнете. Они об этом и трындели все время: "Нас ждет холодная зима".

Нам так и говорили на летучках: "Делайте больше ада!" Например, сверху говорят, что куда-то надо отправить камеру, на какое-то мероприятие, и люди на летучке спрашивают: "А что там делать? Оно какое-то мутное". Культурный центр при посольстве проводит какие-то чтения, логичный вопрос - зачем камера? Потому что туда придут специальные люди и устроят там шоу. Например, какой-нибудь нужный историк начнет орать: "Вы пытаетесь переврать нашу историю!" Собирают бедных бабулек и дедулек, которые ходят туда годами, и отправляют камеру и специального человека, фактически провокатора.

Прямую линию президента организует по большей части ВГТРК. Что-то Первый канал, что-то ВГТРК, идет своя дележка. Приезжает туда заранее группа, эта группа инструктаж проходит на Старой площади по нескольку раз - что, как, какие регионы выбираем, какие города. Туда едут камеры, заранее много разных людей, они ходят с губернаторами и прочими, организуют встречи с нужными людьми, выбирают тематику, все это согласовывается миллион раз. Есть предпоказ так называемый, как для папы и мамы в театре. Репетиция, полный прогон. Путин на ней не сидит, Песков сидит. Он не отвечает за Путина, конечно, но за всем следит. Стоит съемочная группа и примерно изображает, что будет. Я слышал от людей, которые туда ездили, их прямо колотило, они говорят - прямо умирали от стыда, потому что рассказывали, как старики к съемочной группе подходили со своими вопросами, а эти вопросы просто не могли попасть на прямую линию.

Тут такая ситуация, что телевидения как такового уже не существует. Да хоть ты будешь в отделе культуры работать, тебе скажут: "Этого режиссера мы поддерживаем, а этого нет". Можно расслабиться и получать удовольствие либо не работать и уходить - если совсем падает планка и ты понимаешь, что больше не можешь оставаться.

Сергей Семенов (имя изменено), продюсер (РЕН ТВ)

Я работал на программе "Специальный проект", ушел оттуда год назад. Но я успел застать апрель и май - отделялся Крым, начались первые люстрации после Майдана. У нас был заказ на фильм "Дорогая, у меня революция!" - мы пытались актуальную тему Украины поднять с несколько иного ракурса, с личной стороны: взяли всех лидеров революции, наших положительных крымских и отрицательных лидеров Майдана и попытались показать, как чувствуют себя их жены в ситуации, когда муж говорит "дорогая, у меня революция", как это переживается семьей.

Естественно, для отрицательных персонажей искали не положительные характеристики, что у него жена, дети и мама, а что у него любовницы, личная жизнь со знаком минус. Зайти русским каналом к лидерам антирусской революции было нереально. Мы не могли отправить туда нашу съемочную группу, аккредитация была только у новостных редакций, всех остальных, включая документальных, и тогда, и сейчас на Украину не пускают. Естественно, пришлось что-то додумывать. Поэтому все решалось через стрингеров, но никто из украинских стрингеров не хотел иметь дело с российскими каналами.

Когда мы работали над Музычко, покойным Сашей Билым, одной девушке-стрингеру мы представились как американский канал, а не как российский. Сказали, что мы хотим

показать, что он живой человек, что он хороший и за хорошее. В общем, откровенно обманывали.

Людей, которые занимались Майданом, было сложно поймать для съемок, но эта женщина-стрингер была лично знакома с Музычко и смогла с ним договориться, поймала между одним мероприятием и другим. Он, естественно, рассказывал о себе с хорошей стороны, но если вы имели дело с монтажом, вы понимаете, что всегда можно вырезать и смонтировать как нужно. Нам сильно помог его бэкграунд: на общедоступных видео он вел себя очень по-бандитски, ходил с автоматом к чиновникам, хватал их за галстуки. Мы это все поставили встык с его речью, где он со своей угрожающей шрамированной головой рассказывает, какой он белый и пушистый, как он любит ходить на рыбалку, белочек и свою любимую. Вдобавок ко всему этому раскопали видео (впервые показанное за несколько дней до этого на НТВ. - Ред.), где некий человек, очень издалека похожий на бедолагу Музычко, лежит на полу перед девушкой в кресле, которая бьет его в лицо каблуком черного сапога, такое садомазо. Его мы тоже вставили встык между кусками, где он особенно распинается в своей белости-пушистости; получился портрет совершеннейшего маньяка.

Когда мы все это склеили, я очень испугался: а что будет с этой бедной женщиной-стрингером, которая все это организовала? Музычко-то отмороженный наглухо - у него дед был националистом, репрессированным, отец рос на Севере в репрессиях, потом сидел; он потомственно ненавидел советскую власть, ассоциируя ее с русской оккупацией Украины. У него всегда были враги-русские, а друзья - все, кто против них. Мы перепугались: если он увидит то, что мы выпустим, он эту стрингершу просто убьет железной палкой по башке - и все.

Программа должна выйти в среду. В понедельник мы начали придумывать, как мы ее отмажем, придумали длинную схему, а в ночь с понедельника на вторник его расстреляли. И получилось, что у нас последнее его прижизненное интервью - про личную жизнь и экстремальные сексуальные утехи.

Когда он умер, я почувствовал только облегчение за судьбу журналистки. Я человек верующий, я молился: "Господи, как же мне ее спасти? Господи, неужели я этот грех на душу возьму? Мне-то чего - один раз фильм сдал, а ее грохнут, и все". Но рука с неба так вот разрешила все, хотя мы на студии долго шутили потом, что это я Музычко заказал.

Наша программа изменилась чисто тематически: до известных событий нашими главными врагами были некие Ротшильды, Морганы и прочий заговор мирового капитала, который нас то травит через плохую еду, то поднимает или опускает цены на нефть. Когда начались украинские события, враг стал не общим, а конкретным. Но атмосфера в самом продакшене не изменилась. Все то же самое, обед по расписанию, электричка по расписанию. У нас работали и уроженцы Донбасса, и люди с Украины, но никаких проблем с тем, чтобы освещать все как надо, у них не было. Журналисты и проститутки отличаются только тем, что одни делают это телом, а другие - мозгом. Денежная ситуация наша тоже никак не изменилась, так бывает только в плохих пропагандистских фильмах: "Им стали платить больше, они стали бегать шустрее". Зачем это работодателю? Время эфирное то же, объем продукции тот же. Просто появилась новая горячая тема. Но, конечно, над ней было гораздо интереснее работать, чем над Ротшильдами и Рокфеллерами. Здесь было меньше выдумки и больше фактуры, больше живого материала.

Станислав Феофанов, продюсер (НТВ, РЕН ТВ, ТВЦ)

Начало украинских событий я застал в "Неделе". У Марианны (Максимовской. - Ред.) я работал с Майдана до вывода войск из Крыма. Эта программа значительно отличалась от всего бардака, который творился на РЕН ТВ. Мы пытались рассказывать объективно. Помню, когда захватили здание Донецкой администрации, мы и с ополченцами общались, и ездили за десятки километров говорить с украинскими силовиками. Я всегда удивляюсь, когда рассказывают, что невозможно снять с двух сторон. Все возможно, было бы желание! Помню, нам рассказывал Пушилин: мол, "киевские солдаты объедают местное население". Мы подумали: да, интересная история. Приехали в одну деревню, поговорили с бабушками, они говорят: "Никого не объедают, нормально уживаемся". Пошли к этому взводу, они окапывают танк. Думали, нас сразу начнут вязать, а они прямо ответили: "Расскажем без проблем, про что? Объедаем? Да вы что, у нас полевая кухня". Пока мы разговаривали, подъехали две машины - в одной местные сами привезли им борщ, в другой приволокли сало. Конечно, когда приезжаешь с мыслью, что тут каратели - с ними и говорить не надо, по лицам все видно, - на картинке так и выходит. Но у нас сюжеты были взвешенные, мы давали высказаться обеим сторонам.

Я не помню случаев прямой цензуры на "Неделе". Возможно, какие-то вопросы руководство канала решало с Марианной, но я с этим не сталкивался. Но было ясно, что программа висит на волоске, и разгон "Недели" не стал неожиданностью. Когда сбили "Боинг", рассказывать так, как рассказывали мы, стало нереально. На всех каналах кричали про хунту, карателей, которые сбили самолет. Мы были в отпуске, когда пришла эсэмэска от Марианны: "Дорогие все! Вот настал момент, наша маленькая гордая программа закрывается. Впереди прекрасный новый мир, где будет другая жизнь". Теперь одни на вольных хлебах, другие не работают, кто-то остался на рентэвэшном инфовещании. Я нашел компромиссный вариант.

Передача "Линия защиты" на ТВЦ, где я работаю сейчас, на грани. У нас бывают фильмы типа "Пять обещаний Порошенко", но они больше ироничные, чем пропагандистские. Но я сам делаю выпуски на отвлеченные темы. Напрямую мне снимать пропаганду не предлагают, и я бы не стал. У меня есть сейчас предложения, связанные с кино, поэтому если на канале скажут: "Ты должен сделать то-то" - я отвечу: "Я ничего вам не должен, до свидания".

Конечно, "Линия защиты" - даунгрейд после "Недели", но что делать? Надо же как-то жить. Куча талантливых ребят найти себя на телевидении больше не может, Рома Супер, Лошак в одном из недавних интервью сказал: "Возможно, многим молодым журналистам моя фамилия уже ни о чем не говорит, потому что я пропал с экранов". Вадик Кондаков ездил на какой-то сраный экономический форум снимать рекламные ролики. Мне предлагали и на LifeNews, и на "Звезду", но этим совсем не хочется заниматься.

На ТВЦ мне не приходится переступать через себя, но меня не устраивает, что по соседству с нами выходят продукты сомнительные, не реальная пропаганда, но с отчетливым душком. Телевидение для меня перестало быть творчеством. В первую очередь это касается выбора тем. Есть цензура в оболочке игры под названием "нерейтинговая тема". Я предложил рассказать, кто на 9 мая делал деньги на ленточках и пилотках. Там же что-то стоило по 300 рублей, если 100 тысяч людей это купили, это уже 30 миллионов. Давайте сделаем фильм про бизнес на патриотизме. Нет, это не

рейтингово. Лучше расскажем про русскую Вангу, какую-то бабушку, которая что-то там предсказывает. На ТВЦ из десятка тем, которые тебя зажигают, в лучшем случае утверждаются одна-две, в остальном приходится работать над тем, что не по душе.

До РЕН ТВ я работал в "Профессия - репортер" на НТВ вместе с Катей Гордеевой, Андреем Лошаком, оттуда мы ушли, когда начали закручивать гайки, после нашего фильма про протесты 2011-2012 годов. Программу разогнали, оставили только бренд - она все еще выходит, но делают ее люди из энтэвэшного криминала. Мы надеялись, что митинги, волна негодования сдвинут состояние деградации, дамбу прорвут и из этого выйдет свободное телевидение. Тогда люди еще отличали просто НТВ от "Профессия - репортер". Но одной из последних капель стал мой разговор на митинге "похорон НТВ" у здания "Останкино". Меня спросили, как я могу считать себя порядочным человеком, если работаю там, где выходит "Анатомия протеста". Чувства "на кого же мы оставили наш канал" не было - уже понятно было, на кого.

Кто делает настоящую пропаганду на Первом и на "России" - все прекрасно понимают. Ипотека, долги, семейные проблемы. И все-таки я не могу ответить - почему. У меня схожая история: я живу на съемной квартире, осенью буду брать кредит на покупку жилья, но я не понимаю, как можно заливать людям в уши дерьмо. Я всегда думаю в таких случаях о своей матери - она и так уже зомбирована до такой степени, что я иногда не понимаю, о чем с ней говорить, кроме домашних дел. У нее постоянно трещит Киселев, вещает Мамонтов, а я думаю: "Как я могу обманывать свою мать?" Чувствую, что тоже закладываю туда кирпичик.

Раньше мы посмеивались над людьми, которые делают криминальные программы на НТВ. Дико было, когда какой-нибудь корреспондент обманом влезал в квартиру и потом это выходило на федеральном канале, а Миткова рассылала всем письмо: "Посмотрите, ребята, как круто сработали в криминальной дирекции". Мы думали: так нельзя - выбивать электрические пробки, чтобы человек открыл тебе дверь, и потом еще снимать на скрытую камеру. Но волна беспринципных журналистов просто вытеснила тех, кто не мог этим заниматься.

Сейчас время такое, что ты думаешь не о статусе, а больше о совести. Как в глаза-то смотреть? Самому себе в зеркало. Вот просыпаешься и думаешь: "А неплохо я вчера натрындел, да?" Сможешь ли ты с этим жить дальше? Но большинство живет, конечно.

"Горловский Медиа Портал"